

Изъ дневника русской въ Турціи передъ войной 1877—1878 г.г.

Г Л А В А VIII ¹⁾.

Наступали послѣдніе дни карнавала. Для заключительнаго аккорда уличныхъ развлеченій было назначено грандіозное шествіе масокъ и „bataille des fleurs“.

Къ тому времени на рейдъ прибыла изъ Безики броненосная эскадра подъ вымпеломъ лорда-адмирала Сеймура, начальника всѣхъ морскихъ силъ Великобританіи.

Смирна всполошилась и приготовилась оказать исключительное вниманіе „друзьямъ и защитникамъ“ Оттоманской Имперіи. Но чванные сыны Альбіона съ явно выражаемымъ пренебреженіемъ уклонялись отъ всякаго сближенія съ мѣстнымъ обществомъ и рассматривали его, по своему обычаю, сквозь призму британскаго величія, точно инфузорию какую-то.

И вдругъ, по необъяснимому стеченію обстоятельствъ, только я одна не попала въ разрядъ этихъ микроскопическихъ организмовъ, и на меня взглянули не вооруженнымъ глазомъ. Вотъ какъ это произошло.

Насъ собралась довольно большая компанія, задумавшая посетить фрегатъ „Девастейшенъ“—что значитъ „опустошитель“—на которомъ имѣлъ пребываніе лордъ Сеймуръ.

Испросивъ предварительно черезъ консула его разрѣшенія, мы усѣлись въ кайки и отправились въ экскурсію къ желѣзному чудовищу.

¹⁾ См. „Русская Старина“ мартъ 1911 г.

Насъ приняли вѣжливо, но сухо. Мы осмотрѣли каюты, столовую, кабинетъ адмирала, бібліотеку—все было прекрасно убрано, блистало роскошью и комфортомъ. Затѣмъ намъ предложили взглянуть на громадныя орудія въ боевыхъ башняхъ.

— Всего только четыре пушки?... съ разочарованіемъ спросила я рыжаго лейтенанта, стоявшаго тутъ же.

— Да, только и всего!—перефразировалъ онъ съ усмѣшкой мои слова:—но вполне достаточно, чтобы привести въ развалины, напримѣръ, всю Смирну съ ея окрестностями.

— Ну, едва ли!—задорно отвѣтила я на его вызывающій тонъ:—тогда что же можно сказать о другихъ корабляхъ, на которыхъ по 30 и болѣе орудій?

Такая параллель чрезвычайно насмѣшила англичанина: онъ расхохотался и показалъ мнѣ всѣ свои клыки во рту. Я съ негодованіемъ отвернулась и хотѣла уже отойти подальше, какъ вдругъ нечаянно встрѣтилась глазами со взглядомъ, который приковалъ меня къ мѣсту: на той же рубкѣ, въ нѣкоторомъ отъ насъ разстояніи сидѣлъ въ американскомъ креслѣ очень важнаго и надменнаго вида пожилой морякъ и съ упорнымъ, пристальнымъ вниманіемъ слѣдилъ за каждымъ моимъ движеніемъ, что было слишкомъ замѣтно по выраженію его лица.

Такъ продолжалось нѣсколько мгновеній...

Наконецъ, фигура неизвѣстнаго шевельнулась, приподнялась и, подобно статуи Командора, двинулась въ мою сторону.

— Mademoiselle! надѣюсь, вы позволите мнѣ, какъ хозяину этого плавучаго дома, заявить себя вашимъ покорнѣйшимъ слугой?—обратился прямо ко мнѣ на правильномъ французскомъ языкѣ, хотя и съ рѣзкимъ акцентомъ, чопорный англичанинъ, а затѣмъ раскланиваясь по всѣмъ правиламъ высшаго этикета, какъ-будто бы онъ привѣтствовалъ принцессу крови, добавилъ: „имѣю честь представиться, лордъ Сеймуръ“.

Тонъ и манеры британскаго вельможи показались мнѣ обворожительными; но я продолжала стоять передъ нимъ смущенная, озадаченная и молчала.

— Да отвѣчайте же хоть что-нибудь! шепнулъ еле слышно кто-то за моей спиной; но лордъ-адмиралъ немедленно поспѣшилъ вывести меня изъ неловкаго положенія:

— О, ничего! ничего!—проговорилъ онъ снисходительно:—все это въ порядкѣ вещей: скромность и застѣнчивость составляютъ драгоцѣннѣйшее украшеніе юности. Къ тому же молодость еще и великодушна, а потому надѣюсь, что mademoiselle найдетъ оправданіе въ своемъ сердцѣ и для меня, бѣднаго скитальца по чужимъ

морямъ, когда пойметъ, что не въ моей власти было преодолѣть желанія познакомиться съ ней...

— Милордъ!—перебила я, тронутая его рыцарскимъ обращеніемъ:—простите меня! напротивъ, вы дѣлаете мнѣ честь... я очень, очень рада... Здѣсь даръ краснорѣчія окончательно покинулъ меня, и я вновь замолчала.

Но, вѣроятно, магнату Англій въ концѣ концовъ надоѣло рисоваться передъ какой-то дѣвчонкой: онъ сбавилъ тону и довольно фамильярно спросилъ меня:

— Прелестная незнакомка, почему вы такъ тщательно охраняете свое инкогнито? съ кѣмъ же я имѣю честь говорить?

Замѣшательство первыхъ минутъ уже прошло, и я назвала себя.

— Какой пріятный сюрпризъ!—воскликнулъ лордъ съ дѣланнымъ восторгомъ:—такъ вы русская и даже не здѣшняя уроженка? тѣмъ лучше, тѣмъ лучше! Впрочемъ, я и самъ догадался объ этомъ, когда увидѣлъ васъ, а иначе мнѣ не пришло бы въ голову искать знакомства съ вами, такъ какъ въ моихъ правилахъ подальше держаться отъ турецкой райи¹⁾ да и вообще отъ всякой расы, не имѣющей своего собственнаго государства,—говоритъ онъ громко, не обращая вниманія на то, что здѣсь же, въ нѣсколькихъ шагахъ, находилась цѣлая группа этихъ людей, достоиніе которыхъ охраняла его эскадра отъ злостныхъ покушеній „Московіи“.

— Однако, намъ негдѣ и присѣсть,—спохватился онъ, оглядываясь по сторонамъ:—не угодно ли вамъ посѣтить мой салонъ—тамъ много интереснымъ вещей?

— Благодарю васъ, сэръ; но не могу,—намъ пора домой,—отвѣтила я, указывая на своихъ спутницъ.

— О, нѣтъ! какъ же такъ? mesdames,—обратился гордый вельможа къ послѣднимъ: будьте любезны, разрѣшите мнѣ предложить къ вашимъ услугамъ мои апартаменты для обозрѣнія коллекцій и гравюръ.

Мы послѣдовали за нимъ и дѣйствительно увидѣли сказочное великолѣпіе въ убранствахъ его каютъ.

— Я убѣжденный „поклонникъ“ Россіи,—продолжалъ ораторствовать гостепріимный хозяинъ, усаживая меня на диванъ: вашему народу принадлежитъ великая будущность. Кстати, могу васъ порадовать: въ непродолжительномъ времени по пути изъ Мальты въ Босфоръ сюда зайдетъ королевская яхта подъ флагомъ герцога Единбургскаго и его супруги, дочери вашего Императора.

Тогда мнѣ пришла въ голову счастливая мысль воспользоваться

¹⁾ Подданные турецкой Порты не магометане.

удобнымъ случаемъ и любезнымъ содѣйствіемъ лорда-адмирала, чтобы представиться герцогинѣ; но онъ тотчасъ же разочаровалъ меня, объяснивъ, что ихъ высочества по всѣмъ вѣроятіямъ придутъ на рейдъ поздно вечеромъ, а на разсвѣтѣ отплывутъ дальше. Такъ и остался навсегда открытымъ вопросъ, чѣмъ собственно хотѣлъ порадовать меня командовавшій флотомъ Великобританіи?

— Мнѣ будетъ чрезвычайно пріятно встрѣтиться съ вами еще и въ Хіосѣ,—добавилъ онъ:—я имѣю намѣреніе покрейсировать между островами архипелага, и такъ какъ вашъ дядя консулъ, то сочту долгомъ сдѣлать ему визитъ. Затѣмъ, взглянувъ на меня съ выраженіемъ сѣды на подсудимую, онъ предложилъ отвѣтить ему на слѣдующій вопросъ:

— Кажется, вы сомнѣваетесь въ разрушительной силѣ нашего „Девастейшена“ на основаніи того, что у него всего 4 пушки?

— Да,—проговорила я безучастно, такъ какъ мнѣ было рѣшительно все равно до этого. Но лорду Сеймуру, видимо, не понравилось мое равнодушное отношеніе къ престижу панцырнаго фрегата, и онъ весь загорѣлся стремленіемъ во что бы то ни стало вывести меня изъ пагубнаго заблужденія.

— *Mademoiselle*, вы жестоко неправы!—воскликнулъ онъ съ такой интонаціей въ голосъ, какъ будто предостерегая меня отъ паденія въ пропасть:—я могу точно и наглядно доказать вамъ сейчасъ же, что наши орудія самыя могущественныя и самыя громадныя въ мірѣ по калибру!

Я не успѣла еще сообразить, въ чемъ заключалось дѣло, какъ любезный хозяинъ уже развернулъ передъ моими глазами альбомы какихъ-то чертежей и принялся съ воодушевленіемъ посвящать меня во множество подробностей спеціальныхъ знаній.

Онъ такъ много и долго рассказывалъ о діаметрахъ въ дюймахъ и прочихъ мудреныхъ вещахъ и такъ надоѣлъ мнѣ, что я готова уже была расплакаться отъ невыносимой скуки. Но судьба еще благоволила ко мнѣ и выручила изъ бѣды: доложили о прибытіи генеральнаго консула съ важными депешами.

Тогда, облегченно вздохнувъ, я встала, простилась съ нимъ и съ рѣшительнымъ видомъ направилась къ выходу на палубу.

Раскланиваясь со мной въ послѣдній разъ, лордъ Сеймуръ добавилъ:

— Беру на себя величайшую смѣлость, *mademoiselle*, просить васъ дать мнѣ возможность закончить нашъ разговоръ въ другое время?..

Передавая въ настоящей главѣ эпизодъ моего знакомства съ первѣйшимъ вельможей Англіи и останавливаясь на немъ такъ по-

дробно—хотя, надо сознаться, здѣсь мало интереснаго—я вовсе не хотѣла въ данномъ случаѣ только похвалиться оказаннымъ мнѣ предпочтеніемъ со стороны человѣка такого недосягаемо высокаго ранга и, какъ надо было полагать, съ очень большими требованіями и вкусами. Нѣтъ, я слишкомъ далека отъ подобнаго самомнѣнія и намѣрена представить дѣло въ настоящемъ его освѣщеніи.

Правда, что происшествіе это вызвало сенсацію и долгое время служило предметомъ оживленныхъ толковъ среди горожанъ.

На меня стали посматривать такъ, какъ будто-бы и въ самомъ дѣлѣ на мою голову внезапно упалъ лучъ солнца и соткалъ надъ ней блестящій ореолъ.

А между тѣмъ, такъ не трудно было понять, почему именно на мнѣ остановилось вниманіе гордаго и неприступнаго въ своей важности пѣра Англіи, тогда какъ всѣмъ хорошо было извѣстно, что онъ слишкомъ брезгливо сторонился отъ людей не его круга.

Несомнѣнно одно, что если бы слуха его не коснулось дерзкое сужденіе какой-то иностранки о качествахъ британскихъ пушекъ, то онъ даже и не замѣтилъ бы моего присутствія въ нѣсколькихъ шагахъ отъ себя.

Знаменитый адмиралъ, по свойственному его расѣ самообожанію, былъ непоколебимо убѣжденъ, что вопросъ о морскихъ силахъ Англіи составлялъ для каждаго, имѣвшаго счастіе обитать съ нимъ на одной планетѣ, главный нервъ жизни и важнѣйшую цѣль бытія.

Такова основная и самая характерная черта англичанина: онъ безумно влюбленъ рѣшительно во все, что его касается, и смотритъ на Божій міръ только сквозь призму своего недосягаемаго величія.

Когда лордъ Сеймуръ, какъ и обѣщалъ, посѣтилъ насъ въ Хіосѣ, то онъ самъ признался мнѣ, что его крайне поразила моя полная неосвѣдомленность о британскомъ флотѣ, и что это показалось ему прямо ненормальнымъ явленіемъ.

Годъ спустя я опять встрѣтилась на жизненномъ пути съ начальникомъ морскихъ силъ Англіи, и онъ такъ же, какъ и въ первый разъ, говорилъ много о разрушительныхъ свойствахъ 12-ти дюймовыхъ орудій и въ заключеніе подарилъ мнѣ фотографическій снимокъ „Девастейшена“.

Г Л А В А IX.

Послѣднее воскресенье карнавала было самымъ боевымъ днемъ сезона.

Я сидѣла съ дядей и тетей у открытаго окна въ нижнемъ этажѣ испанскаго консульства, куда пригласили насъ для болѣе удобнаго обозрѣнія маскарадныхъ процессій.

Уже съ утра наряженные въ причудливые костюмы толпы горожанъ широкимъ, бурнымъ потокомъ разливались по всѣмъ кварталамъ Смирны, наполняя воздухъ хаотическимъ шумомъ праздничнаго настроенія.

Взрывъ хлопшекъ и трескъ ружейнаго огня возвѣстили о началѣ церемоніала. Изъ всѣхъ улицъ и переулковъ стали выходить къ береговой части города множество группъ пѣшихъ и конныхъ масокъ, изображавшихъ собой пародіи на злобы дня и карикатуры на общественныхъ дѣятелей того времени. Затѣмъ, продефилировали въ стройномъ порядкѣ славяне, албанцы, негры, арабы и другія племена, населявшія султанскую державу. Но ничто не насмѣшило такъ публику, какъ аллегорическое изображеніе армянской народности. И дѣйствительно, зрѣлище оказалось чрезвычайно забавнымъ: въ концѣ колонны національностей двигался на колесикахъ исполнскихъ размѣровъ картонный носъ съ надписью вокругъ ноздрей: „Аллахъ создалъ меня прежде Адама, а потому я такъ великъ и прекрасенъ!“ Бѣшеный взрывъ хохота и громъ аплодисментовъ встрѣтилъ и проводилъ эту затѣю веселыхъ левантинцевъ.

Однако, самое интересное еще предстояло впереди, и глаза всѣхъ съ нетерпѣливымъ ожиданіемъ устремлены въ ту сторону, откуда предполагалось шествіе „великихъ и малыхъ державъ“.

Шумные арлекины и крикливые Пьеро въ бѣлыхъ колпакахъ съ оглушительнымъ визгомъ шныряютъ по набережной и угощаютъ степенныхъ людей прямо по фізіономіямъ зарядами confetti, вслѣдствіе чего разыгрываются порой весьма комичныя сценки. Вотъ, напримѣръ, идетъ, важно покачиваясь на ходу, строгій, типичный мулла въ огромной чалмѣ, стараясь не обращать вниманія на бѣснованіе гяуровъ, и вдругъ, когда онъ менѣе всего того ожидаетъ, у него подъ глазами и на лбу получаютъ нежелательныя украшенія. Старикъ поднимаетъ палку, грозитъ; но отъ шалуновъ и слѣдъ простылъ.

Мимо насъ мелькаютъ, точно въ калейдоскопѣ, новыя и новыя картинки волшебника-карнавала, и дѣловая Смирна, такимъ образомъ, принимаетъ видъ театральнаго зрѣлища.

Наступалъ моментъ, котораго такъ жаждала толпа.

Гдѣ-то забилъ барабанъ, заиграли рожки фантастическихъ горнистовъ, и на арену праздника явились политическія аллегоріи.

Фуроръ поразительный! ликованіе, не поддающееся описанію! И надо сказать, что эта часть программы была чрезвычайно остроумно исполнена.

Прежде всего мы увидѣли символическій образъ Англіи: кита, голову котораго вѣнчала корона изъ броненосцевъ и пушекъ. Скрытые въ туловищѣ импровизированнаго животнаго люди двигали его впередъ, но такъ искусно, что, казалось, и въ самомъ дѣлѣ оно плыло по мостовой, какъ-будто бы на волнахъ океана.

Франція гордо выступала пѣтухомъ въ ростъ человѣка. Турція представлена была арабскимъ конемъ, увѣнчаннымъ зеленымъ тюрбаномъ; Испанія — быкомъ; Греція — масличнымъ деревомъ. Италію изображали двѣ фигуры: волчица, вскормившая Ромула, и бандитъ въ огромной шляпѣ съ перьями.

Германія отсутствовала, вѣроятно вслѣдствіе того, что Вильгельмъ II еще не заправлялъ тогда дѣлами турецкой Имперіи и некому было распорядиться по этой части. А нашу матушку-Россію даже вовсе исключили изъ сонма европейскихъ державъ, и она, горемычная, втиснутая въ шкуру медвѣдя, смиренно шествовала бокъ о бокъ съ китайскимъ дракономъ во главѣ азіатскихъ государствъ. Далѣе шли вереницы какихъ-то чудовищъ и звѣрей до тигра включительно, олицетворявшихъ страны и народы всѣхъ частей свѣта.

— Здѣшняя молодежь приготовила вамъ сюрпризъ,—обращаясь ко мнѣ и къ дядѣ, сказалъ консуль, донъ Тарацо, указывая на приближавшуюся къ нашему окну группу мужчинъ, которые показались намъ издали почти оголенными. Тѣмъ не менѣе, мы были тронуты вниманіемъ, но не успѣли договорить словъ благодарности и неудержимо расхохотались: мимо насъ уже дефилировала процессія, подъ названіемъ „les paysans russes“, о чемъ гласили ярлычки, приколотые къ спинамъ нашихъ маскарадныхъ соотечественниковъ.

Даже самое пылкое воображеніе никогда не представляло себѣ русскихъ мужиковъ въ видѣ акробатовъ, обтянутыхъ въ трико, съ разноцвѣтными колпаками на головахъ и въ туфляхъ съ бантами; но съ тою лишь разницей отъ балаганныхъ героевъ, что на рукахъ и ногахъ фантастическихъ пейзажниковъ звенѣли цѣпочки, означавшія „кандалы“, въ которыхъ, по существующему и сейчасъ мнѣнію въ Европѣ, безсмѣнно ходятъ наши „рабы-крестьяне“ — понятія цивилизованнаго міра о Россіи такъ перепутаны, такъ

дики и ужасны, что прямо граничатъ съ настоящимъ идиотизмомъ, а потому самый невозможный, кошмарный вздоръ принимается имъ на вѣру безъ критики и разсужденій. Такъ было и въ данномъ случаѣ: публика чистосердечно увѣровала, что предложенное ей зрѣлище вполне соответствовало дѣйствительности, въ чемъ я убѣдилась изъ разговоровъ въ толпѣ:

— Ахъ, бѣдные, несчастные люди! — слышались трогательные возгласы по адресу нашихъ „рабовъ“ или, выражаясь языкомъ иностранной прессы въ Турціи „les gabis esclaves de Moscovie“:— какъ имъ должно быть холодно въ такихъ легкихъ башмачкахъ! Вотъ по истинѣ варварская страна эта ледяная Россія! Вслѣдъ за голыми россиянами двигались, какъ и слѣдовало ожидать, російскія пейзажечки. Вотъ здѣсь-то и оказался обѣщанный мнѣ сюрпризъ, такъ какъ я до того момента даже не подозрѣвала, что у насъ деревенскія бабы щеголяютъ въ шелковыхъ тюникахъ и причесываются у французскихъ парикмахеровъ. Вся эта группа нарядныхъ барышень вплотную подошла къ окну, у котораго я сидѣла и со словами привѣтствія: „Soyez la bienvenue, charmante rose de Sibérie—réjouissez nos coeurs que vous ayez déjà gagné“ забросала меня букетами цвѣтовъ.

Такой удивительный знакъ вниманія несказанно польстилъ моему самолюбію, и я невольно подавила въ себѣ чувство досады, вызванное передъ тѣмъ нѣкоторыми картинами въ калейдоскопѣ аллегорій, гдѣ все русское осмѣивалось съ цинизмомъ идиотовъ.

Этой сценкой закончился уличный маскарадъ; но празднично настроенная толпа долго еще не расходилась, оглашая воздухъ смѣхомъ, пѣніемъ и звуками гитаръ.

На слѣдующій день мы собрались въ обратный путь къ себѣ домой, въ нашъ тихій, патріархальный Хіосъ.

Все, пережитое тамъ и еще такъ недавно, уже стало казаться мнѣ далекимъ, тяжелымъ сномъ: слишкомъ оригинальный и яркій характеръ новой обстановки волшебнo дѣйствовалъ на мое воображеніе, и я чрезвычайно неохотно покидала веселую Смирну.

Правда, что порою, измученная усталостью, я возвращалась къ милымъ призракамъ и уходила въ порывъ тоски и горькихъ сожалѣній. Тогда любимый образъ, подобно тому, какъ это бываетъ въ области сновидѣній, то воскресалъ и манилъ къ себѣ, то вновь скрывался и, блѣднѣя, угасалъ.

Однако, въ собственную похвалу могу добавить, что вакантное мѣсто въ сердцѣ пока еще оставалось не занятымъ, хотя имѣлся къ тому большой выборъ. Говоря откровенно, я просто не умѣла

разбираться въ движеніяхъ своей души, а потому и не понимала, что дѣлалось тогда со мной.

Пароходъ „Веста“, раскачиваясь то вправо, то влево, плавно перелеталъ съ волны на волну, направляя свой путь къ Хиосскому рейду вдоль берега Анатолиі, откуда уже дышала ароматомъ зацвѣтающихъ рощъ южная, жаркая весна.

Истомленная духотой, царившей въ каютахъ, я вышла на верхнюю палубу, чтобы остаться тамъ до утра.

Въ морѣ купались мириады звѣздъ и серебристый рожокъ луны, играя, точно брилліантами въ его темной глубинѣ.

Мы только что выбрались передъ тѣмъ изъ вѣчно бурнаго и грознаго пролива Чандарли, гдѣ насъ изрядно потрепало, а потому легкая зыбь въ Архипелагѣ казалась сущимъ пустякомъ по сравненію съ дикой вакханаліей капризныхъ теченій Малоазіатской Сциллы и Харибды.

Сложное чувство наполнило меня, когда въ туманной дали развернулась панорама Хиосской бухты, гдѣ за дымками испареній прятался силуэтъ острова, и моя фантазія полетѣла впередъ навстрѣчу любви и жаркимъ объятіямъ.

Молодость тѣмъ и очаровательна, что всегда богата иллюзіями и надеждами: тотчасъ же всѣ тревоги сомнѣнія разсѣялись и остались далеко позади. Хотя и жутко было представить себѣ возвратъ къ прошлому; но такъ неудержимо влекло къ нему...

Надъ темной чертой восточнаго горизонта раскинулась красная лента зори; грянула пушка „Езана“¹⁾, возвѣщавшая мусульманамъ часъ молитвы, и контуры турецкихъ бастіоновъ выступили изъ тѣней минувшей ночи.

„Веста“ загремѣла якорями и дала протяжный свистокъ. Консульская шлюпка, подброшенная волной до уровня трапа, приняла насъ къ себѣ подъ сѣнь русскаго флага, а затѣмъ отчалила прочь.

Г Л А В А X.

Не успѣла я еще оглядѣться и прійти въ себя послѣ утомительнаго сезона, какъ уже получила записочку отъ своей турецкой подруги съ упреками за долгое отсутствіе и съ убѣдительною просьбой повидаться съ ней.

Я не была настолько сильна, чтобы противиться искушенію, а потому не разсуждая и ни надъ чѣмъ не задумываясь, но лишь получивъ согласіе тетушки, не медля отправилась въ Конакъ.

¹⁾ „Езавъ“ по-турецки восходъ солнца.

Меня встрѣтили съ бурнымъ порывомъ радости и восхищенія, какъ и слѣдовало того ожидать со стороны затворницъ, для которыхъ все, что находилось за предѣлами ихъ унылаго существованія, лишеннаго благъ общественной жизни, возбуждало къ себѣ жгучее любопытство и необычайно острое вниманіе.

Торопливые, безтолковые разспросы и шумныя восклицанія сыпались, какъ горохъ изъ мѣшка или же, правильно выражаясь, совершенно, какъ барабанная дробь, и меня тормошили, заставляя рассказывать о вещахъ, которыя интересовали моихъ собесѣдницъ болѣе всего на свѣтѣ, вслѣдствіе чего разговоръ по преимуществу вертѣлся около фасоновъ юбокъ, корсажей, шляпъ, а также цѣнь на матеріи, цвѣты, ленты и пр. Элиме весьма огорчилась, когда узнала, что ея любимый зеленый цвѣтъ не преобладалъ на фонѣ послѣдней моды. Толстая Базя даже обидѣлась и выразила глубокое порицаніе всѣмъ дамамъ Смирны за то, что онѣ не носили красныхъ кофточекъ, вышитыхъ бисеромъ, этого самаго изящнаго, какъ она объяснила, украшенія женскаго туалета.

День угасалъ въ красныхъ лучахъ заката; часы летѣли; турчанки болтали вздоръ, которому не предвидѣлось конца, и мое радужное, приподнятое настроеніе, съ которымъ я пришла къ своей подругѣ, ожидая отъ нея другихъ рѣчей, смѣнилось досадой разочарованія и неопредѣленной тревогой въ душѣ, такъ какъ чѣмъ дальше, тѣмъ становилось яснѣй, что она сознательно и по какимъ-то скрытымъ причинамъ не давала мнѣ подойти къ интимной сторонѣ дѣла, а именно къ тому, что томило и заставляло трепетать все мое существо. Но какъ ни увертывалась хитрая Элиме, мнѣ, наконецъ, удалось прижать ее къ стѣнѣ: поймавъ моментъ, когда мы случайно остались вдвоемъ, я съ дѣланымъ равнодушіемъ спросила:

— А какъ поживаетъ Тафти-бей и его гаремъ?

— Да все по-старому, — отвѣтила она и сверкнула глазами: — Фатима еще не разведена, и невольницы также остались при немъ. Впрочемъ, едва-ли это можетъ интересовать васъ теперь, — добавила она, улыбаясь: по всѣмъ вѣроятіямъ вы уже полюбили въ Смирнѣ какого-нибудь ученаго франка, да и онъ, кажется, успокоился...

Мнѣ стало вдругъ холодно почти до физическаго страданія; но уязвленное самолюбіе женщины оказалось сильнѣе любви, сильнѣе ревности и другихъ чувствъ: я даже не растерялась и, такимъ образомъ, не выдала себя.

— Ну, конечно, Ибрагимъ, какъ и всегда, проводитъ васъ, — отвѣтили хозяйки на мою просьбу объ этомъ и переглянулись между собой: — онъ дежуритъ на площадкѣ и, безъ сомнѣнія, съ

величайшимъ восторгомъ пойдеть за вами куда угодно!—разсмѣялись онѣ неизвѣстно чему.

Я сошла внизъ, гдѣ евнухъ открылъ мнѣ дверь и молча указаль пальцемъ по направленію сторожевой будочки у входа въ конакъ.

Черная, хмурая ночь уже раскинулась надъ міромъ; луны еще не видно было на горизонтѣ, а звѣзды прятались за облаками.

При такомъ скудномъ освѣщеніи фигура сидѣвшаго неподвижно на своемъ посту солдата казалась издали безформенной массой застывшей во мракѣ; но когда я подошла къ нему вплотную, то увидѣла, что онъ, закутавшись до глазъ въ широкій плащъ и опустивъ низко голову, какъ будто бы спалъ.

— Ибрагимъ!—позвала я, наклоняясь къ его лицу:—ты спишь?.. Но я не успѣла ни шевельнуться, ни вскрикнуть или же понять, что произошло затѣмъ, такъ какъ сильныя руки обхватили меня и сжали до боли въ своихъ объятіяхъ.

— Ты вернулась, милая, дорогая! ты моя—не правда ли?—прошепталъ нѣжный голосъ, вздрагивая отъ страсти и огненные зрачки блеснули мнѣ прямо въ глаза—передо мной стоялъ Тафти-бей...

— Да отвѣчай же и поцѣлуй меня!—говорилъ онъ, прикасаясь горячими, какъ уголья, губами къ моему лицу.

Я съ трепетомъ сердца слушала его, но всѣ мои душевныя силы пошли въ разбродъ, а онъ, между тѣмъ, настойчиво повторялъ:

— Ну, скажи, что ты по-прежнему меня любишь и готова слѣдовать за мной, куда бы я ни повелъ тебя? Взгляни же на меня—я такъ давно тебя не видѣлъ и такъ страдалъ! Обстоятельства складываются не въ нашу пользу, и, кажется, придется намъ обоимъ уѣхать отсюда тайно—объщай же мнѣ, что ты безъ всякихъ колебаній пойдешь за мной?

Но вмѣсто того, чтобы отозваться на призывъ любимаго существа, я вдругъ съ ужасающей отчетливостью увидѣла себя на краю пропасти, и ненавистный призракъ его семейнаго быта сталъ между нами. Злоба, негодованіе и жажда оскорбить этого челоуѣка, такъ нѣжно ласкавшаго меня на своей груди, наполнили всю мою душу.

Я рванулась изъ желѣзныхъ тисковъ его объятій и, задыхаясь, крикнула ему:

— Оставь меня, азіать, и уходи къ своимъ наложницамъ—я ненавляжу тебя!

Тафти вздрогнулъ, какъ отъ удара хлыста и нѣсколько мгновеній смотрѣлъ передъ собой: въ глубинѣ его глазъ разгоралось пламя—мнѣ стало жутко...

— Да какъ ты смѣешь оскорблять меня,—скорѣе прошипѣлъ, чѣмъ проговорилъ онъ сквозь сжатые зубы:—опомнись! или я убью

тебя, безсовѣстное, коварное созданіе—слышишь? и въ рукѣ у него блеснулъ клинокъ ятагана.

Невольнымъ, быстрымъ движеніемъ я отшатнулась въ сторону; но въ слѣдующій моментъ меня внезапно подхватилъ, словно налетѣвшимъ шкваломъ, бурный порывъ дикой отваги и отчаянной рѣшимости не сдаваться.

— Тафти,—сказала я, протягивая къ нему руки:—убей меня, если хочешь, но ты требуешь невозможнаго...

— Вотъ оно что! не хочешь ли ты этимъ сказать, что у меня соперникъ?—и съ угрожающимъ жестомъ онъ шагнулъ ко мнѣ—наши взгляды встрѣтились, и тогда я прекрасно поняла, что могло послѣдовать за тѣмъ...

— Нѣтъ, нѣтъ! не то, совсѣмъ не то!—стремительно кидаясь къ нему на шею, чтобы предупредить вспышку ярости его необузданнаго темперамента, горячо убѣждала я, зажимая ему ротъ поцѣлуемъ:—Тафти, меня жестоко терзаетъ ревность: у тебя наложницы, и ты, кажется, ихъ любишь...

— Ахъ, какія глупости!—рѣзко перебилъ онъ:—и слушать не хочу!.. Начать хотя бы съ того, что мы еще не мужъ и не жена, а слѣдовательно ты не имѣешь права требовать отъ меня супружеской вѣрности... Но прежде всего прошу не забывать, что я также не монахъ съ Аѳонскихъ горъ, ни евнухъ и потому не нахожу возможнымъ жить по твоей программѣ... Однако и ты хороша—нечего сказать: клялась любить только меня одного, а сама, тѣмъ не менѣе, упорхнула въ эту проклятую Смирну и охотно позволяла ухаживать за собой! Не оправдывайся—мнѣ все извѣстно!—отвѣтилъ Тафти на мои протестующіе возгласы:—какъ и черезъ кого—то уже сюда не касается, хотя надо отдать тебѣ и справедливость, что серьезныхъ увлеченій съ твоей стороны не замѣчалось.

— Прелестная европейка, не думаете ли вы по свойственному вашей расѣ самомнѣнію, что можно безнаказанно играть душой и пламеннымъ сердцемъ „презрѣннаго азіата“ лишь только ради новизны впечатлѣній или же отъ скуки, а затѣмъ все это отшвырнуть прочь, какъ негодную вещь?—совсѣмъ неожиданно перешель мой сердитый, но очаровательный собесѣдникъ на иронію и церемонное „вы“:—смотрите, не обожгитесь!—добавилъ онъ и въ тонѣ его голоса прозвучало мстительное, злобное чувство.

Издали сталъ доноситься шумъ голосовъ и шаговъ. Бѣй тревожно оглянулся и тихо сказалъ:

— Смѣна караула—уйдемъ отсюда, а то не хорошо, если солдаты застанутъ насъ въ столь необычайной обстановкѣ.

— Да, конечно,—подтвердила я:—но куда же дѣлся Ибрагимъ?

— Не все ли равно куда!—раздражаясь, отвѣтилъ онъ и, прикрывъ меня полою своего плаща, заставилъ слѣдовать за собой.

Г Л А В А Х I.

Кругомъ царили черныя тѣни и безмолвіе ночи.

Вѣтеръ, разсѣявъ густыя массы облаковъ, притихъ, и въ глубинахъ небесъ загорѣлись яркія звѣзды.

Спутникъ мой, тяжело дыша, все прибавлялъ шагу, увлекая меня дальше.

Покоренная его волей, не размышляя и не сопротивляясь, я шла съ нимъ въ ногу.

Изъ темноты стали выступать очертанія валовъ цитадели и протяжное „бакъ“! ¹⁾, перекликавшихся часовыхъ, несло отсюда унылымъ, тягучимъ эхомъ. Чтобы не встрѣтиться съ патрулемъ, ходившимъ по улицамъ только европейскаго города, Тафти-бей сошелъ съ площади, и мы углубились въ лабиринтъ мусульманскаго квартала, гдѣ за деревянными рѣшотками оконъ турецкихъ домовъ уже не слышно было движенія жизни.

Даже собаки, валявшіяся стаями по грязной мостовой, не шевельнулись, скованныя мертвымъ сномъ, тогда какъ мой кавалеръ безъ всякой церемоніи наступалъ имъ на хвосты.

Наконецъ, мы остановились, чтобы передохнуть, и усѣлись на ступеньку порога какой-то разрушенной лачуги.

Я пѣсмотрѣла на Тафти-бей сбоку, и мнѣ стало не по себѣ: выраженіе его лица обѣщало мало хорошаго. Слезы хлынули у меня изъ глазъ, и я робко заговорила:

— Тафти, ты отведешь меня домой—не правда ли?

— Ну, конечно,—сурово отвѣтилъ онъ и задумался.

— Мой прелестный и милый другъ,—приласкалась я къ нему, надѣясь смягчить въ немъ гнѣвъ, и стала нѣжно водить рукой по его волосамъ и хорошенькимъ усикамъ, разглаживая ихъ:—прости меня и забудь о томъ, что произошло сейчасъ между нами...

— Хорошо!—хмуро перебилъ онъ, слегка отстраняя меня; но помни, что если въ другой разъ, то...

Договаривать не надо было, такъ какъ лезвіе кинжала опять блеснуло въ невѣрномъ освѣщеніи звѣздъ.

Угроза эта хотя и вызвала во мнѣ глухой протестъ и негодованіе, но я нашла достаточно присутствія духа, чтобы не расте-

¹⁾ По-турецки „слушай“!

ряться и молча отвела въ сторону лезвіе ножа, считая себя не безъ основаній уже обстрѣлянной птицей.

— Ты называешь меня „азіатомъ“ и попрекаешь наложницами,— горячился онъ, при чемъ слова дрожали у него на губахъ, и въ зрачкахъ разгорался злой огонекъ, точно у кошки:—а между тѣмъ, у васъ же, просвѣщенныхъ европейцевъ, онъ также въ ходу, какъ и на Востокѣ; но, конечно, подъ другимъ ярлыкомъ и съ тою разницей, что своихъ мы покупаемъ на рынкахъ по праву, данному намъ религіей, и пользуемся ими у себя дома, а вы строите имъ дворцы, осыпаете этихъ продажныхъ тварей брилліантами и разоряете легальныя семьи. Или по житейской неопытности ты еще не успѣла ознакомиться со всѣми тонкостями западной морали?

— Тафти!—возразила я съ горечью разочарованія, едва сдерживая крикъ отчаянія: все это неправда—такъ жить невозможно! Мнѣ легче было бы умереть, чѣмъ видѣть другихъ женщинъ возлѣ тебя—на такія условія я не пойду ни за какія блага міра...

Но онъ не далъ мнѣ высказаться и перебилъ восклицаніемъ глубокаго изумленія:

— Ты, кажется, забыла рѣшительно все, что я уже обѣщалъ тебѣ не разъ, или мы не понимаемъ другъ друга? Гурія моя,— продолжалъ онъ, захватывая меня въ свои объятія:—отдай мнѣ свою жизнь, и мы будемъ безумно счастливы.

Унесенная волною очарованія за предѣлы внѣшняго міра, я съ трепетомъ слушала его, бессознательно считая удары своего сердца и по непонятной ассоціаціи идей скорѣе думала о постороннихъ вещахъ, чѣмъ о томъ, что долетало только обрывками до моего слуха.

— Итакъ, сокровище мое, вопросъ, слѣдовательно, рѣшенъ, и мы уѣзжаемъ въ Боснію и уже тамъ обвѣнчаемся.

— *Le vin est tiré—faut le boire*, какъ справедливо говорятъ французы,—точно издали произнесъ голосъ.

Это вернуло мою мысль изъ области хаоса къ существу дѣла.

— Когда?—спросила я, замирая отъ страха передъ загадкой будущаго, словно на меня упалъ тяжелый камень.

— Во всякомъ случаѣ до праздника вашей Пасхи,—отвѣтилъ съ увѣренностью Тафти:—смотри же, не растеряйся и будь готова. Прежде всего ты получишь записочку отъ Элиме съ приглашеніемъ къ ней на обѣдъ. Тебя, конечно, отпустятъ и проводятъ. Что же касается дальнѣйшаго, то предоставь мнѣ обо всемъ позаботиться. Но прежде чѣмъ намъ разстаться до сказанной встрѣчи, я долженъ получить отъ тебя клятвенное обѣщаніе, что въ рѣшительную минуту ты не обманешь меня? Взгляни на небеса и перекрестись

сейчасъ же, какъ тамъ у васъ полагается, и успокой мою душу,—настойчиво повторялъ онъ, требуя немедленнаго отвѣта.

Тогда, заведенная въ тупикъ и не зная, какъ изъ него выбраться, я стала съ напряженіемъ воли искать въ умѣ такую комбинацію, чтобы и жениха своего не раздражить, и отъ прямого отвѣта уклониться до времени; но измученная сомнѣніемъ, ровно ничего не придумала подходящаго и вынуждена была исполнить въ точности его желаніе.

— Однако, скоро взойдетъ луна, и насъ могутъ замѣтить изъ обонъ—идемъ!—весело проговорилъ мой кавалеръ, запахивая надо мной свой плащъ. Мы прижались другъ къ другу и отправились дальше.

— Объясни же мнѣ, наконецъ, Тафти, кто устроилъ такъ, что на часахъ вмѣсто солдата оказался адъютантъ паши?—съ такимъ вопросомъ обратилась я къ нему, когда мы уже повернули въ греческій кварталъ.

— Кто устроилъ?—переспросилъ онъ, улыбаясь:—да никто иной, какъ мой кошелекъ!

— Нѣтъ! ты расскажи подробно,—настаивала я, охваченная любопытствомъ и получила въ отвѣтъ:

— Что же тутъ интереснаго? ну, подарилъ губернаторскому евнуху нѣсколько лиръ—кстати, онъ жаденъ, какъ дьяволъ,—и передалъ черезъ него же гаремнымъ дамамъ всякую тамъ ювелирную дрянъ, до которой онѣ большія охотницы—вотъ и все! чего же проще—не правда ли?

Дыханіе вѣтра, пропитаннаго солеными испареніями, несло къ намъ навстрѣчу, возвѣщая близость моря.

Вскорѣ мы пришли къ берегу и остановились передъ картиной волшебной ночи, развернувшей надъ Архипелагомъ всѣ свои чудеса. Изъ-за кряжа хіосскихъ горъ выходилъ багровый дискъ луны, разбрасывая вокругъ снопы лучей. Тѣни стали колебаться, побѣждая мракъ и населяя перспективы дрожавшими фантомами. Въ мистическомъ сіяніи фосфорились волны и тихо шуршали, бросаясь на песокъ къ нашимъ ногамъ.

На рейдѣ пылали и дымились красные факелы рыбаковъ, украшая панораму необычайными эффектами.

Вдругъ сорвалась яркая звѣзда, мелькнула огненной полосой и утонула въ глубинѣ моря.

Плохая примѣта!—сверкнула навязчиво суевѣрная мысль, и неопредѣленная тоска закралась въ сердце.

Я смотрѣла вверхъ на звѣздное небо и грустно размышляла о томъ, идти или нѣтъ въ ту загадочную даль, откуда уже не могло

быть возврата, и хватить ли у меня силъ оторваться навсегда отъ привычныхъ условій жизни? Но неотразимое вліяніе горячей любви туманило разумъ, и я никакъ не умѣла разобратъся въ противорѣчіяхъ смущенной души.

Спутникъ мой также молчалъ; но порою онъ тревожно оглядывался, какъ-будто стараясь увидѣть что-то.

— Такъ поздно, Тафти! едва-ли мы найдемъ здѣсь лодку,— чтобы перевезти насъ,—угадывая его намѣреніе, сказала я громко:— вернемся назадъ, и проводи меня пѣшкомъ—воображаю, какъ беспокоится тетушка и какъ достанется мнѣ?!

— Да тебя вовсе и не ждутъ дома, предполагая, что ты осталась до утра въ гаремѣ—возразилъ онъ, улыбаясь:— надѣюсь вполнѣ, что наша ловкая посредница, Элиме, уже позаботилась объ этомъ и приняла надлежащія мѣры согласно моимъ указаніямъ...

Такое откровенное признаніе озадачило меня, и я заглянула ему въ глаза:

— Ты задумалъ что-то недоброе! у тебя выраженіе лица ужасное!—вскрикнула я и бросилась въ паническомъ страхѣ бѣжать отъ него. Но мнѣ не удалось сдѣлать и нѣсколькихъ шаговъ, какъ я снова была въ его рукахъ.

— Что съ тобой?—спрашивалъ онъ, усаживая меня на одинъ изъ прибрежныхъ камней, у которыхъ бился прибой, обдавая насъ фонтанами морской пѣны:—ты, кажется, опять вздумала оскорблять меня нелѣпыми подозрѣніями—опомнись, душа моя, и не забывай, что всему бываетъ конецъ и моему терпѣнію также...

— Ты любишь меня и боишься—странно!—звенѣлъ его голосъ, какъ натянутая струна:—а между тѣмъ обманулъ ли я твою доверчивую нѣжность? теперь представь себѣ на одинъ только мигъ въ обстановкѣ нашихъ свиданій какого-либо очаровательнаго франка—хотя бы изъ тѣхъ, которые ухаживаютъ за тобой—не думаешь ли ты, что онъ, подобно мнѣ, азіату, такъ благоговѣнно-свято охранялъ бы тебя въ своихъ же объятіяхъ?... Какъ поразительно ты наивна и какъ мало постаралась изучить судьбою назначеннаго тебѣ въ мужья человека, а я хочу безусловно вѣрить, что мы именно созданы другъ для друга.

Съ этими словами онъ отошелъ на нѣсколько шаговъ и вдругъ произительно свистнулъ. Тогда я увидѣла, что изъ-за выступа скалы, чернѣвшей въ недалекомъ разстояніи, взлетѣла на гребень волны арабская фелуга и, ныряя, какъ утка, быстро стала приближаться къ берегу. Подплывъ къ тому мѣсту, гдѣ мы сидѣли на камняхъ, гребецъ вышелъ изъ лодки и приблизился къ Тафти-бею. То оказался

нубіецъ—евнухъ его гарема, преданный своему господину, какъ собака.

Черная фізіономія раба и бѣлки его глазъ, блеснувшіе въ ночныхъ сумеркахъ, еще не разсѣянныхъ лучами поднимающейся луны, вызвали въ моемъ и безъ того болѣзненно настроенномъ воображеніи иллюзію грознаго чудовища, явившагося по знаку своего жестокаго, мстительнаго и коварнаго властелина съ тѣмъ, чтобы запрятать меня въ мѣшокъ и бросить въ море.

Ужасъ смерти проникъ во всѣ фибры моего существованія и затмилъ разумъ: съ отчаяннымъ воплемъ: „Не надо! не надо—пощади!“—я упала къ ногамъ моего кумира и лишилась сознанія.

Е. Рагозина.

(Продолженіе слѣдуетъ).

